О происхожденіи нѣкоторыхъ типовъ Достоевскаго.

(Литература въ переплетеніяхъ съ жизнью).

I.

Творчество Достоевскаго, даже въ самыхъ фантастическихъ его точкахъ, не такъ уже фантастично, какъ это представляется читателю, не знакомому съ его личностью и съ обстоятельствами его творчества. Я помню, въ первый же разъ, когда познакомился съ его романами, Аполлон Григорьевичъ, то спросилъ его объ этомъ, увѣренный въ отрицательномъ отвѣтѣ. Къ удивленію, она дала отвѣтъ положительный.

— О, нѣтъ! Федоръ Михайловичъ умѣлъ любить вставлять въ свои романы кусочки дѣйствительности, какіе-нибудь съ ними встрѣчались на жизненномъ пути... Любилъ это и весело, по-ребячески, смѣялся со мною такими своими встрѣчами. Это пристраивалъ на значокъ. Вы помните въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» Черемашню и село Мокрое.

Еще бы я не «помнилъ».

Анна Григорьевна весело разсмѣялась и точно ушла въ воспоминанія.

— Такъ это же станція по дорогѣ изъ Петербурга въ Старую Руссу, куда мы, бывало, ѣздили каждое лѣто на дачу, въ свой домъ.

Я не догадался спросить: «А Ляпунинъ,—тотъ жуликъ-кулакъ, который спитъ въ Мокромъ пьяный на дорогѣ и, проснувшись, только ругается и хохочетъ, и больше никакого толку отъ него не герои романа, не читатель романа не видитъ?» Но я Ляпунинъ, въ такой степени конкретнаго, что его нарочно еще надумывать, вѣрно никакъ съ кѣмъ-нибудь Ѳедоръ Михайловичъ, хотя, можетъ-быть, и не въ Мокромъ. Такія лица, какъ докторъ Герценштубе (тоже въ «Братьяхъ Карамазовыхъ»), не выдумываются. Это слишкомъ частно, особенно и странно; и тутъ сперва должна сговориться натура-природа, а потомъ уже человѣку дано лишь описать не и украсить описываемый свое человѣческое произведеніе. Не замѣчаніе Анны Григорьевны о томъ, что Достоевскій любилъ это дѣлать, любилъ этотъ пріемъ работы, побуждаетъ разыскать границы того историческаго и реальнаго, которое по общему признанію захватили его романы. До сихъ поръ общее сознаніе утверждало историческій портретъ, можетъ-только за сѣдующимъ его лицомъ.

Петруша Верховенскій въ «Бѣсахъ», это—Нечаевъ.

Карамазовъ тамъ же, это—Тургеневъ (карикатура-портретъ).

Степанъ Трофимовичъ въ своей статьѣ «объ идеалистахъ»—Грановскій.

Нужно замѣтить, что съ историческимъ Грановскимъ Степанъ Трофимовичъ имѣетъ тѣмъ мало общаго, такъ мало общаго, что мы не рѣшились бы на свое сравненіе, если бы не слова Тургенева. Онъ прямо съ изображаетъ въ «Бѣсахъ» подъ маскою (Карамазовъ), но замѣчаетъ отъ затронутъ Грановскаго. «Петровскаго» было очень мало: онъ перевелъ мальчика бѣдного, мягкаго, уступчиваго, пассивнаго идеалиста 40-хъ годовъ въ сильную и мутную волну 60-хъ годовъ. Но всѣ подробности смѣшной и чуть-чуть нечистоплотной біографіи Степана Трофимовича, разумѣется, не имѣютъ ничего общаго съ настоящею біографіей Грановскаго.

Достоевскій имѣлъ одну, такъ-сказать, миллетно-общую черту съ Гоголемъ,—демоническую: его, какъ и Гоголя, сжигъ разбиралъ «до пушка» при мысли, при образѣ, при самомъ имени какого-нибудь «установленнаго идеальнаго» лица, авторитета, идола. Помните, у Гоголя эту цыганскую мефистофелевскую гримасу.

«Перекрестись, сжигъ Шиллеръ, не тотъ Шиллеръ, который написалъ «Вильгельма Телля» и «Исторію тридцатилѣтней войны», но знаменитый Шиллеръ, жестокимъ дѣлъ мастеръ изъ Мѣщанской улицы. Вотъ Шиллера сжигъ Гофманъ, не писатель Гофманъ, но довольно хорошій сапожникъ съ Офицерской улицы, большой пріятель Шиллера. Шиллеръ былъ пьянъ и сидѣлъ на стулѣ, тупая носки и что-то говоря съ жаромъ. Все это еще бы не удивило Пирогова, но удивило его чрезвычайно странное положеніе фигуръ. Шиллеръ сидѣлъ, выставивъ свой довольно толстый носъ, и подпиралъ рукою голову, а Гофманъ держалъ его на этотъ носъ двумя пальцами и вертѣлъ лезвеемъ своего сапожнаго ножа на самой его поверхности. Шиллеръ говорилъ: «Я не хочу, мнѣ не нуженъ носъ! У меня на одинъ носъ выходитъ три фунта табаку въ мѣсяцъ. И я плачу въ русскій сенорный магазинъ за каждый фунтъ по 40 коп., это будетъ 1 руб. 20 коп., это будетъ въ годъ 14 р. 40 коп. Слышишь, мой другъ Гофманъ? На одинъ носъ 14 р. 40 к.! Да по праздникамъ я нюхаю Рапе, потому что я не хочу нюхать по праздникамъ русскій сенорный табакъ. Въ годъ я нюхаю два фунта Рапе, по 2 р. фунтъ. Шесть да четыре-пятокъ—20 р. 40 к. на одинъ табакъ! Это разбой! Я спрашиваю тебя, мой другъ Гофманъ, не такъ ли? Но я новѣйшій нѣмецъ, у меня есть король въ Германіи. Я не хочу носа! Рѣжь мой носъ! Вотъ мой носъ!»

Это—цыганскій сжигъ... Это—Мефистофель, пущенный со студентами въ корчемной Дурдолах: его гримасы, его тембръ, все это, но въ натурѣ, т.-е. я хочу сказать, что это вѣсто съ «Гофманомъ» и «Шиллеромъ» пьяный настоящій Мефистофель, не выдуманный, не литературный, а какому въ самомъ дѣлѣ случается бродить по свѣту...

Карамазовъ и Степанъ Трофимовичъ въ какомъ преобразованіи Достоевскій Тургенева и Грановскаго, суть эти вотъ имена «Шиллера» и «Гофмана» гоголевскаго творчества, конечно, безъ всякой мысли о подражаніи. Обоихъ,—и Гоголя, и Достоевскаго,—тянуло «сжигъ до пушка», какой въ нихъ подымался при видѣ «установленныхъ» авторитетовъ, и особенно моральныхъ и эстетическихъ. Такимъ на Германіи особенно были Шиллеръ и Гофманъ, а въ Россіи тѣмъ, вѣроятнѣе, были именно Тургеневъ и Грановскій.

Гоголь имѣлъ одно нечистоплотное, сомнительное и посадилъ въ «сапожникъ»; Достоевскій благороднѣйшаго Грановскаго, посадилъ въ «шкатулочникъ» къ богатой вдовѣ да заставилъ еще жаловаться потихоньку, что его «хотятъ женить на чужихъ грѣхахъ». Такъ же глупо, чудовищно и грязно, какъ исторія съ отрѣзанными по «дорогимъ» содержанію носомъ у Гоголя...

Но подобныя, взятыя изъ дѣйствительности лица всегда суть вводные персонажи въ романахъ Достоевскаго, по всякомъ случаѣ, не главные. Главные, начинающіеся съ двоящагося образа Раскольникова-Свидригайлова и кончая Алешею-Иваномъ Карамазовыми, суть выразители колеблющагося и тоже раздваивающагося міросозерцанія самого Достоевскаго... Будущій историкъ литературы воспользуется слѣдующимъ методомъ для изученія этихъ главныхъ лицъ:

1) Просѣдить единство нѣкоторыхъ идей, я сказалъ бы—навязчивыхъ идей, почти фантомовъ, которые владѣютъ этими персонажами. Ясно, что это то же и въ своемъ родѣ, что автобіографическій Нехлюдовъ у Толстого (въ «Утрѣ помѣщика», въ «Юности», въ «Воскресеніи»). Такимъ «Нехлюдовымъ» для Достоевскаго является длинный и разнообразный рядъ лицъ,—въ сущности, вся главная толпа ихъ. Напримѣръ, въ «Униженныхъ и оскорбленныхъ» есть поразительная фигура стараго князя Валковскаго; чуть-чуть тутъ взято, можетъ-быть, отъ одного титулованнаго издателя-автора небольшого литературнаго органа, издающагося до сихъ поръ, съ которымъ сотрудничествовалъ въ свое время Достоевскій... Но гораздо болѣе замѣчательно родство и близость этого князя Валковскаго съ Свидригайловымъ. А что Свидригайловъ есть «Нехлюдовъ» Достоевскаго, то это видно изъ того, что по Свидригайловѣ написанъ, а Достоевскій написалъ знаменитое «Бобка»,—развратные и служебные разговоры покойниковъ на Смоленскомъ кладбищѣ, что буква въ букву повторяетъ кошмаръ Свидригайлова о томъ, что, можетъ-быть, «тотъ свѣтъ» похожъ на баню съ пауками... «Знаете, деревенская угарная баня... Я не вѣдаю отъ какъ науки»... «Я только»... «Я бы непремѣнно такъ сдѣлалъ, ибо это самое справедливое».

Душно... И вдругъ это «душно» какъ-то какъ изъ «Бобка»...

Далѣе: Иванъ-Алеша-старецъ Зосима, это—опять все «Нехлюдовъ» Достоевскаго. Его идеи—въ разныхъ вариантахъ, оттѣнкахъ... Но идеи я перенесу ко второму методическому пріему, который сдѣлаетъ будущій историкъ литературы, именно:

2) Онъ сопоставитъ мнѣнія-сужденія главныхъ персонажей въ романахъ Достоевскаго съ монологами самого Ѳедора Михайловича въ его «Дневникѣ писателя» и черезъ это опять откроетъ «индивидуацію» въ его романахъ...

Черезъ два эти пріема можетъ быть совершенно выдѣлено все міросозерцаніе Достоевскаго, начиная отъ юности и до его гробовой доски; выдѣлено и, наконецъ, даже изложено въ видѣ просто хрестоматіи изъ его произведеній, по годамъ его жизни и по времени написанія отдѣльныхъ романовъ, притомъ въ словахъ столь яркихъ, точныхъ и сильныхъ, какихъ не замѣнитъ никакое «собственное изложеніе» историка литературы, біографа или критика.

* *

Историко-литературныя изысканія послѣднихъ лѣтъ, направленныя на все поколѣніе 40-хъ, 50-хъ, 60-хъ и 70-хъ годовъ, раскрыли передъ нами два псевдонима въ романахъ Достоевскаго... Единственно тѣмъ, что произведенія Достоевскаго не такъ ярко помнятся, какъ произведенія Толстого или Тургенева, и отрывки и безпорядочная толпа его персонажей далеко не такъ выпукло перешли въ всеобщимъ воображеніемъ, какъ Платонъ Каратаевъ, Нехлюдовъ, Пьеръ или какъ Базаровъ, Рудинъ, даже Литвиновъ,—только этимъ можно объяснить какимъ образомъ археологамъ нашего общества не пришло на умъ сопоставить сдѣланныя ими замѣчательныя открытія, замѣчательныя воспоминанія съ живыми полосами художественныхъ живописаній Ѳедора Михайловича. Мы разумѣемъ изслѣдователей: М. О. Гершензона, А. И. Фаресова, А. С. Пругавина, П. И. Бирюкова, Н. В. Чайковскаго (извѣстный народовѣлецъ). Ясно, всѣ названные писатели не принадлежатъ къ «любителямъ Достоевскаго», иначе то, что я сейчасъ скажу, было бы уже давно сказано въ нашей литературѣ.

Отрицательная, отвратительная личность Петруши Верховенскаго (псевдонимъ Нечаева) въ «Бѣсахъ» уравновѣшивается или, скорѣе, вонзѣщается цѣлою группою лицъ менѣе подробно описанныхъ, но, пожалуй, освѣщенныхъ еще ярче, чѣмъ онъ... Это—Шатовъ и Кириловъ. Кто они? Что такое они? Ихъ положеніе въ обществѣ, ихъ отношеніе къ дѣйствительности тѣ же, что и у Нечаева: полаженіе—«сотворенныхъ людей, отвращеніе — критическое. Далѣе, старое знакомое, хорошо намъ знакомое въ гимназіи: кто изъ насъ не припомнитъ, что въ то время, какъ высоко товарищества: 1) принадлежали къ опредѣленному сословію или классу обывательства, и 2) по окончаніи курса предназначали себя къ опредѣленной профессіи,—врача, судьи, чиновника, земца, инженера, и пр., и пр., и пр.,—нѣкоторые изъ нашихъ товарищей нашего строчества и юношества собственно: 1) не къ чему себя не предназначали, какъ къ профессіи, и 2) не къ какому опредѣленному кругу общества не принадлежали. Я называю эти стѣни прошлыхъ, можетъ-быть, уже ушедшихъ въ можно, но вполнѣ «живыхъ», потому что хотя тому прошло уже сорокъ лѣтъ, тридцать лѣтъ, но за ними жизнь, въ которую какъ ли народу проникнутъ, какъ ли какихъ потрясъ было, въ этихъ лицахъ остаивалась воспоминаніе съ нашъ большимъ удовлетворяющимъ... Дерзну сказать (хотя то были и мальчики)—съ наибольшимъ уваженіемъ. Приказала вотъ эта ихъ «непоколебимость» на къ чему, въ настоящемъ ли, въ будущемъ ли. Отъ этого на нихъ ложилась свѣтъ какой-то сосредоточенности, главнымъ образомъ, духовной, хотя большею частью на нихъ лежалъ и свѣтъ физической сосредоточенности, по отсутствію родства, по слабости родства, или далекаго, или нелюбимаго и, во всякомъ случаѣ, не очень «сближенного». Но, главнымъ образомъ, они были «духовные сироты», потому что ни къ чему-то, ни къ чему въ дѣйствительности они не были привязаны, ни съ чѣмъ не связаны... Вытекало это изъ избытка у нихъ воображенія и общихъ чувствъ, общихъ идей... Всѣ они были монахами-мечтателями, вѣрнѣе и по возрасту,—были какъ бы мечтательными послушниками возлѣ монастыря, который ихъ былъ совершенно не нуженъ и нисколько ихъ не тянулъ. Есть такіе «монашки» или «монашонки» на отходѣ, вѣчно готовые «бѣжать», вѣчно уходящіе, а не приходящіе, однако, съ какимъ-то общимъ и неопредѣленнымъ позывомъ въ себѣ именно къ монашеству, т.-е. къ «бѣгству отъ міра», къ одиночеству. «Монашества хочется, но невыносимъ ни одинъ монастырь». Почему же «невыносимъ»? «Я одинъ устаръ не по мнѣ: по мнѣ будетъ только тотъ устаръ, который я самъ надумаю». Такимъ образомъ, съ существомъ монашества въ этихъ замѣчательныхъ и памятныхъ отрокахъ была слита безпредѣльная анархичность, вытекающая не изъ склонности къ «дебошу», а изъ безконечной индивидуальности въ цѣлъ, субъективности, интимности... Ихъ парадоксъ и «оскорбленіе», въ сущности, всякая дѣйствительность не отъ того, что она была дурна, а отъ того, что она была не воздушна и слишкомъ тяжело ложилась на ихъ существо, какъ бы сдѣланное все изъ воздуха, мечты и воображенія. Всѣ они не чесались или плохо чесались; одѣвались худо и прекрасно одѣвались хорошо; учились худо или «такъ себѣ», и никогда—отлично. Не были прачуны, шалуны, хотя иногда бывали «проказниками» и «на грудной платформѣ»... Но это—не главное. Главное—книги и мечта. Чтеніе поверхностно необходимое, «обѣ всякаго разбора», но, главнымъ образомъ, была мечтою удерна, день и ночь, какъ гашишъ, какъ опіумъ. Что же, однако, читалось въ чтеніи? Опять по опредѣленной «уставѣ» и «инструкціи», а «какъ бы куда удобно». «Любовь къ чтенію» вытекала изъ того одного, что книги была «не жизнь». «Чтеніе» было обѣтованіемъ для того, у кого не было дѣлъ и возможности «лучить бѣдность въ подъѣзды» и уѣхать непремѣнно «куда-нибудь», безъ опредѣленія мѣста. Какъ «опредѣленное мѣсто»,—такъ «задача» для нихъ 17—18—23-лѣтнихъ «бѣгуновъ». Есть такая и опять у русскихъ. А окончательно наше собственное, разрѣ атыдаетъ нашъ и вслѣдъ передуръ психологіи, обнаженную психологію, личную психологію, по именно—нашу. Эти одиночки-мечтатели, всегда тоскующіе, всегда угрюмые, въ большинствѣ—печальные, скучающіе, не къ чему не могущіе «притянуться» и привязаться и въ то же время безумно привязанные...

Къ чему?

А вотъ найти, натолкнуть, «уставъ не мнѣ», а за явною невозможностью этого—придумать самому такой «уставъ», который бы удовлетворялъ всѣхъ, наконецъ, и всѣхъ и никого болѣе не парадоксъ, не мучилъ, какъ мучитъ вообще всякая дѣйствительность. И по молодости, да и вообще по разнымъ закоркамъ души («мое «я» есть центръ міра»), имъ не приходило на умъ, что мучитъ ихъ не «такая» или «иная» дѣйствительность, а самое существо дѣйствительности, осязательности, конкретности, по противоположности съ слишкомъ большой зыбкостью существа, большой духовностью, преобладаніемъ воображенія и мысли. Такимъ образомъ, они стояли, не зная того сами, передъ «квадратурою круга», «философскимъ камнемъ» и «философскимъ эликсиромъ»,— темы, равно привлекательныя, вѣковыя и вѣчныя, потому что неразрѣшимыя. «Неразрѣшимое» всегда нравится уму человѣческому, потому что онъ и дѣйствительно, по существу своему, «больше всего»... Онъ бы не росъ и не былъ бы вѣченъ, онъ не былъ бы умомъ человѣка, а только умомъ животнаго, если бы что-нибудь нашлось въ дѣйствительномъ больше его. Но все его меньше, и въ поискахъ объекта, достойнаго и равнаго объекта и соперника, онъ ищетъ и привязывается до безумія именно къ «неразрѣшимому», именно къ квадратурѣ круга, къ жизненному эликсиру.

II.

Достоевскій, при всѣхъ его колебаніяхъ около міровыхъ проблемъ и около русской дѣйствительности, никогда не выпускалъ изъ мысли этихъ «русскихъ мальчиковъ», какъ онъ ихъ назвалъ подъ конецъ жизни въ «Братьяхъ Карамазовыхъ». Впрочемъ, «мальчики» тутъ ни при чомъ; это если и «присказка», и даже важная, то все-таки не существо дѣла. Дѣло не въ возрастѣ, не въ лѣтахъ, а въ психологіи. Вѣдь, и въ монастыряхъ «монашонками на отходѣ» бываютъ не только отроки и юноши, но и зрѣлые мужи, иногда даже старцы. Въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» Достоевскій устами Ивана называетъ такъ его брата Алешу, хотя тотъ и былъ въ возрастѣ почти женила (его полуромамъ съ Лизою Хохлаковой), и еще группу гимназистовъ почти младшихъ классовъ, съ Колею Красотвинымъ во главѣ, читающихъ «ихъ-ихъ полы» Герцена, и проч., и проч. Но есть цѣлый романъ, посвященный такому «мальчику»: это—«Подростокъ». Наконецъ, не къ такимъ ли, въ сущности, «мальчикамъ» принадлежитъ и его князь Мышкинъ, «идіотъ», въ знаменитомъ романѣ этого имени? Конечно! Опять типично отроческая психологія, хотя и происходящая отъ болѣзненной организаціи героя, но это уже все равно—отчего. Вѣчта неопытность отроческая, чистота отроческая, и «оригинальный складъ мышленія», не связанаго, въ сущности, ни съ чѣмъ, не тяготѣющаго ни къ чему реальному. Но этого мало. А кто такіе студенты-товарищи Раскольниковъ и Разумихинъ? Да не всего ли только «желтоватый мальчикъ» и знаменитый Иванъ Карамазовъ, философъ 24-хъ лѣтъ, сочиняющій вѣчьто поискомъ служебнаго мѣста, легенду о католичествѣ и православіи, о христіанствѣ и судьбахъ его въ исторіи? Вотъ эти-то поиски не тѣмъ, чего мнѣ не нужно», и суть всего. Суть въ стремленіи «къ» къ безконечно удаленному отъ «къ», къ тому, чего «я не увидѣть», о чемъ «я не услышать». Суть—въ этомъ дѣлѣ; вѣрнѣе—въ этомъ характерномъ «бесѣдѣ». «Бродить-бродить человѣкъ и сочиняетъ легенды, какъ «калики-перехожіе» сочиняютъ свои «духовные стихи». Наконецъ, если мы вспомнимъ «Пушкинскую рѣчь», канва которой, конечно, была заготовлена раньше, но сказалась она словами, созданными въ моментъ самаго произнесенія, и сказалась, какъ мы всѣ чувствуемъ и понимаемъ, въ какомъ-то глубокомъ экстазѣ и волненіи,—что такое эти слова объ Алеко, ушедшемъ въ цыганскій таборъ отъ цивилизаціи, отъ города?!. О, тутъ Достоевскій наивно и невинно стиграетъ около Пушкина, называлъ ему «пророческое предвидѣніе нашихъ теперешнихъ дней»: Пушкинъ такимъ «пророчествомъ» не обладалъ, не былъ имъ болѣнъ, имъ богатъ или ихъ бѣденъ, а въ «Алеко» онъ просто передалъ одно изъ бывалыхъ или возможныхъ приключеній своего помѣщичьяго времени, широкаго и самодурнаго, капризнаго и поэтическаго, въ томъ якусѣ и родѣ, о какомъ историческая изнѣстно изъ судебъ и приключеніяхъ «кавалериста-дѣвицы» гжи Дуровой. И только. Я сказалъ объ экстазѣ, который, по всему вѣроятію, овладѣлъ Достоевскимъ въ самый моментъ, какъ онъ вошелъ на эстраду. И вотъ, едва почувствовавъ этотъ приступъ тоски и бури въ душѣ, онъ прямо сейчасъ же (самое начало рѣчи) заговорилъ объ этихъ «русскихъ мальчикахъ», заговорилъ языкомъ «лирическихъ отступленій» Гоголя и ужъ никакъ не эпическимъ языкомъ Пушкина:

«... Въ Алеко Пушкинъ отыскалъ и геніально отмѣтилъ того несчастнаго скитальца въ родной землѣ, того историческаго русскаго страдальца, столь исторически необходимаго двигающагося по оторванномъ отъ народа обществѣ нашемъ...

Достоевскій все явленіе связываетъ съ реформою Петра Великаго, «оторвавшаго общество отъ народа». Но это—явная ошибка. Аналогичные «бѣгуны» были у насъ до Петра; да и теперь въ народѣ они являются не отъ «реформы Петра», такъ какъ послѣдняя еще «по почтѣ не дошла» на Уралъ, въ Сибирь, всюду, гдѣ появляются безграмотные «странники», уходящіе и уходящіе въ лѣсъ, въ «мать-пустыню».

«Типъ этотъ сдѣлчекъ безошибочно, типъ этотъ постоянный и надолго у насъ, въ нашей русской землѣ, поселившійся. Эти русскіе бездомные скитальцы продолжатъ и до сихъ поръ свое скитальчество и еще долго, кажется, не исчезнутъ».

На самомъ дѣлѣ, пойди не хотѣ Петра», а выражая черту русскаго духа, они не исчезнутъ болѣе и никогда. И... либо разрушатъ русскую державу, опредѣленный строй, крестьянъ русской жизни, или... можетъ-быть, заносутъ его куда-нибудь на небо. Дѣло въ томъ, что тутъ много и «монгольщины», и «святой души».

«... Въ наше время если они и не уходятъ въ цыганскіе таборы, то удаляются въ соціализмъ, которого еще не было при Алеко, уходятъ съ новою вѣрою на другую ниву и работаютъ на ней ревностно, вѣрно, как и Алеко, что достигнутъ [illegible] своемъ фантастическомъ дѣланіи [illegible] своихъ и счастья не только [illegible] самого, но и всемірнаго, ибо [illegible] скитальцу необходимо именно [illegible] ное счастье, чтобы успокоиться [illegible] огромное большинство интеллигентных[illegible] русскихъ и тогда, при Пушкинѣ, [illegible] и теперь, въ наше время, служили [illegible] служатъ вѣрно въ чиновникахъ, [illegible] канцѣ или на желѣзныхъ дорогахъ [illegible] въ банкахъ, или просто наживаютъ [illegible] нными средствами деньги, или [illegible] науками занимаются, читаютъ лекц[illegible] и все это регулярно, лѣниво и [illegible] съ получеміемъ жалованья, съ игрой [illegible] профессіяхъ. Что въ томъ, что одинъ [illegible] и не началъ безпокоиться, а другой [illegible] уже успѣлъ пойти до запертой [illegible] и, о все крѣпко стукнулся [illegible] Всѣхъ въ свое время то [illegible] мое ожидаетъ».

Такимъ образомъ, въ путешествіи далеко не сознательной, глубоко [illegible] отчетной рѣчи Достоевскій то отмѣ[illegible] это явленіе къ «Петру Великому», [illegible] говоритъ, что это «оказитъ [illegible] «сплавитъ всю Россію».

Изъ послѣдующихъ словъ мы [illegible] имѣемъ только эту окраинку:

«... У него лишь тоска по прав[illegible] жалоба на общество свѣтское [illegible] выя стремленія, плачъ о потер[illegible] ной гдѣ-то и кѣмъ-то правд[illegible] которую онъ отыскать [illegible] не можетъ».

Ну, гдѣ тутъ Пушкинъ какой Пуш[illegible] кинъ?.. Это—«Тройка» Гоголя, [illegible] «У, Русь, чего ты [illegible] очи и ждешь чего-то отъ меня [illegible] проч. Точнѣе Гоголевскія «лирическія мѣста, такъ безотчетныя и [illegible] невольныя, были «вибрисами», «[illegible] ными замѣтками» этихъ бушующихъ рѣчей Достоевскаго, вотъ какъ въ пушкинскомъ правленіи, и какъ [illegible] его страницы-мелкости въ романахъ [illegible] изъ «Дневника писателя». Есть [illegible] духъ, а есть и духъ исторіи, [illegible] «личности исторіи», и Достоевскій [illegible] тѣмъ предпослалъ Гоголя, что [illegible] «Шинель» написалъ «Бѣдныхъ [illegible] (вмѣсто И. С. Аксакова), а [illegible] тѣмъ, что сказалъ объ Алеко и [illegible] какъ, о Татьянѣ и Онѣгинѣ [illegible] «О, Русь» Гоголя, тѣмъ, наконецъ, [illegible] вообще, что душа Достоевскаго [illegible] [illegible] дренажкала и суженная [illegible] души Гоголя, «трансрыла содержаніе [illegible] ніе Гоголя, какъ «зерно» разрушенное [illegible] сказалъ «зерно», изъ котораго вырастало [illegible]

Изъ приведенныхъ цитатъ и [illegible] ній можно видѣть, что «[illegible] лоса творчества Достоевскаго» [illegible] нята тѣмъ «бродящимъ русскимъ [illegible] чика»,—мальчика, отрока, юношу [illegible] во всякомъ случаѣ, «безъ своего [illegible] ма и мѣста на землѣ». Вѣдь [illegible] мы—тревога; вѣдь [illegible] тоска; «какой-то какъ-то [illegible] тѣмъ-то потерянный [illegible] хорошо выражаетъ. Это [illegible] общее обѣдно, въ которомъ [illegible] дожды тѣмъ и [illegible] пахъ и, въ концѣ-концовъ, [illegible] человѣку ихъ...

В. Варваринъ.